

ЗОЛОТО «АТЛАНТИДЫ»: ПАРАДОКСЫ ПРОШЛОГО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАСТОЯЩЕГО

Современная «Атлантида» - это исчезнувшие посёлки, сёла деревни России. Когда-то там жили и занимались своими делами люди. Рождались, влюблялись, радовались, горевали.

Сейчас все это забывается и превращается в «Атлантиду». Мы, Автономная некоммерческая организация «Репетиторский центр «Логос» и Детское молодёжное общественное экологическое движение «Зелёный дозор», организуем поисковые экспедиции для школьников, чтобы они учились не забывать прошлое, черпать в нём силы для настоящего и строить на прочном фундаменте будущее, а главное – чтобы не превратились в Иванов, не помнящих родства.

Современный подход к изучению истории требует не столько архивной достоверности, сколько достоверности иной, связанной с живой памятью человека-свидетеля событий, поэтому на первый план выходит такой метод исследования прошлого как сбор устной истории. К тому же архивным источникам все меньше доверия – в них нередко история искажается, а на многих официальных бумагах до сих пор значится «Совершенно секретно. Без права публикации». Однако сохранились архивы, созданные семейными летописцами, и тетради, написанные более полувека назад, сейчас находят своих исследователей.

Имеется много достоверных, документально подтвержденных сведений, которые показывают, что разработка золотосодержащих руд на Северном Урале производилась еще в старинные времена. Например, старинные разработки имелись на дороге от Вишеры через реку Улс, которую якобы открыл Строганов. У Княсьпинских озер дороги обнаружили во времена горнозаводской деятельности верхотурского купца Максима

Походяшина. Другой верхотурский купец Петр Ентальцов вместе с рудознатцем Григорием Постниковым в поисках золота исходил Богословский округ вдоль и поперек. [1, 2, 3, 6]

Начиная с конца 18 века, на Северном Урале официально велась добыча золота и платины. Стрелебная, Екатерининка, Сольва, Воскресенское, Мостовая – это названия лишь некоторых из золотых приисков [3, 6].

Двадцатый век открыл новую страницу в истории освоения Урала. Она связана с развитием промышленности, строительством городов, а для Североуральска - разработкой бокситового месторождения. История прошлого века также связана с трагическими событиями – временем политических репрессий.

Деревня Мостовая, закончившая свое существование в середине двадцатого столетия, в разное время явилась свидетельницей золотого богатства Уральских гор и слез репрессированных литовцев, латышей, немцев. Поэтому она, расположенная вблизи старого Ивдельского тракта, связанная с ближайшим Воскресенским рудником Воскресенской дорогой, оказалась в центре нашего внимания в экспедициях «Богословский Урал»- 2006, 2012, во время которых нами были обследованы старый Ивдельский тракт и бывшие деревни Воскресенская, Мостовая, кордон (зимовье) Старая Калья.

На основе собранных сведений [1, 2, 3, 4, 6] и экспедиционном материале мы смогли восстановить основные этапы жизни деревни Мостовая:

1827 год – основание Мостовского прииска и деревни Мостовая, деятельность инженера Чеклецова; золотодобыча в руках государства;

1876–1917 годы - передача Мостовского прииска в частные руки, деятельность владельца Савельева; работа прииска на полную мощность; высокий уровень жизни деревенских жителей;

1917 – 30-е годы XX века - изобилие сменяют голодные годы деревни, «сидящей на золоте»; создание Мостовского участка ЮЗПУ (Южно-

Заозерского приискового управления); появление в деревне раскулаченных из Сибири;

Всем жителям деревни запомнились голодные 1932-33 годы. Спасало их тогда то, что они всю жизнь занимались добычей золота. Артельная работа на Мостовой была прекращена, но Александр Егорович Балин помог жителям Воскресенской и Мостовой устроиться на Сольвинский прииск в верховьях Сосьвы, который оставался единственным золотым прииском в округе, это и спасло жителей Мостовой.

В те годы частыми были летние заморозки, урожай картофеля в деревне погибал, а на огородах Воскресенской, которые были расположены на скате горы, урожай всегда был хороший. Сын Александра Егоровича Балина вспоминает [4]: «После одного из таких неурожайных годов мы с мамой Евдокией отправились в Воскресенское, чтобы купить картофеля на посадку. Зашли в дом Ильи Черемных. Он уже при смерти был и говорит жене: «Дай Дуне пять ведер картошки бесплатно. Мы бы умерли еще зимой 33-го, если бы не Александр Егорович. Он нас тогда спас».

В конце 30-х в Мостовую стали прибывать раскулаченные, там их временно расселяли. Потом многих из них перевели на Тонгу и Долгую Паберегу. В эти же годы был создан Мостовский участок Южно-Заозерского приискового управления (ЮЗПУ). Золото мыли на ручьях и в ложках: Березовка, Луковая, Малая Березовка, Талая, Ивановка, Григорьевка, Безымянка, Троицкий ложок. Вновь стал работать магазин. Одна из жительниц села Евгения Андреевна Ефимцева рассказывала в конце 90-х [4]: «В магазине работал мой муж. Все товары отпускались на боны. Мука стоила 6 копеек, масло – 1 рубль 6 копеек, сахар 40 копеек».

По свидетельству других жителей Мостовой, работавших на золоте, расплачивались за товар бонами [3,6]. За 1 грамм золота давали 1 бону. Кожаные сапоги можно было купить за 4 боны, двуствольное ружье – за 6. Снабжение велось централизованно через «Союззолото». Муку брали мешками, а подсолнечное масло ведрами. Магазин был забит промтоварами.

Рассказывают, что многие специально приезжали сюда из разных мест, даже из Москвы, закупали у местного населения боны, на которые приобретали промтовары в магазине.

«Зимогорами без паспартов» называли в деревне тех, кто приезжал сюда на заработки, в том числе сезонные. Приезжие были из Сибири, Нижнего Тагила, Невьянска. Некоторые оставались навсегда. Корякины, например. Отец с сыном жили в разных домах, ходил слух, будто они не все намытое золото сдавали. Однажды к деду пришли трое парней, чтобы купить сено. Но сена на продажу не было, и дед пошел их проводить до калитки. Вдруг бабка услышала шум во дворе, она была больна и лежала на кровати. Она встала, сняла со стены ружье, и в это время в дом ворвался один из парней, бабка выстрелила сначала из одного ствола, потом из другого. Попала налетчику в печень, и он скончался на месте, а двое других убежали. С тех пор ее звали «бабка-герой».

Во время экспедиции мы беседовали с Владимиром Александровичем Киприяновым, жителем Мостовой, ныне проживающим в поселке Черемухово. Как он вспоминает, работы проводились вручную. На Мостовой было больше золота, чем меди. В войну золота мыли очень мало. Здесь же был найден выход медной руды. Глубина штолен была ниже, чем глубина реки Сосьвы. Большой спрос был на древесину. Её отправляли на флот.

Другой наш собеседник - Динара Викторовна Белова. Она помнит («Я приходила, смотрела, хоть и маленькая была, а помню»), как во время войны родителей заставили добывать золото в верховьях Мостовой, на речке: «Женщины в чунях, в длинных юбках, все мокрые. В большое корыто течет вода, сетка лежит. Женщины песок на сетку кладут, смывают водой, а золото должно осесть на дне сетки». Динара Викторовна была из семьи раскулаченных, из Сибири. По её рассказам, в Мостовой на то время насчитывалось 26 жилых домов, была школа, клуб, магазин, контора. Почти из каждой семьи в первые дни войны были призваны мужчины, работавшие

на добыче золота. Их заменили старики, женщины и подростки, которые после школы спешили на работу, заменить матерей. Это был тяжкий труд, работа изматывала людей. «Я была средняя из трёх сестёр, - рассказывает Динара Викторовна. - Жили очень скудно. Мама получала всего 7 рублей. *Но у нас было очень весело.* Все были одинаковые, все были без отцов, и все по мере сил старались работать. Дрова рубили, ягоды, грибы заготавливали - всё делали сами. И огород у нас был. Летом нас родители целый день заставляли работать, а вечер – это твой. Делай, что хочешь».

Этот её рассказ относится к послевоенному периоду и связан с пребыванием в наших краях военнопленных: «Осень такая хорошая была, картошку убирали. У нас деревня длинная, одна улица, с этой стороны дома и с этой. В самом начале деревни жили бабушка и дедушка. Зажиточно жили. Пришли двое мужчин. Бабушка была одна дома. Говорят: «Бабушка, дай нам что-нибудь покушать». «Садитесь», - дала им молока, хлеба, накормила. Они ее схватили и давай душить. Хотели обокрасть. Она как-то вывернулась и одному сильно укусила палец. Он заорал, выбежал в сени. А у них над дверями висело ружье, а она-то и не стреляла никогда. А это ружье взяла. Они только двери открыли, она выстрелила и в них не попала. Двери-то захлопнули. Второй раз открыли. Ружье двуствольное было. Она как второй раз выстрелит, прямо одному в сердце и убила его. На выстрелы сразу все сбежались. Этот мужчина лежит, тот убежал, которому она палец перекусила почти. Потом милиция. За ней же надо было пешком идти на Черемуху. Когда они придут – ни лошадок, ничего же нет. Выкопали яму, и так его без гроба, безо всего и бросили. А этого второго нашли по пальцу. Это были «шестилетники». Так, по словам Динары Викторовны, называли сосланных на Северный Урал пленных бендеровцев.

Хорошо помнит Динара Викторовна и другую свою учительницу, Зинаиду Петровну Коноплеву, ставшую потом Киприяновой. При школе был большой огород. Родители весной этот огород копали, высаживали свой картофель для учителя. «Учителей мы очень уважали, - вспоминает Д.Белова.

- Не было у нас такого, как сейчас бегут - «Здрассьте». Нас учили так: идешь мимо, приостановись, поклонись: «Здравствуйте, Зинаида Петровна!» Она нас научила, как семечки лузгать. Не плюйтесь во все стороны, не грызите их на улице. Сидите дома, одно блюдечко поставьте, второе. Здесь - семечки, здесь – лузга».

«У нас золото добывали, и остались очень большие отвалы из песка, из гальки. Один отвал метров 6 или 7 высоты. И площадь у него такая большая была. Отвал продольный был. Третья его часть поросла молодыми сосеночками, а дальше была поляна. И на этой поляне мы всегда встречали Пасху. Ребята сухих дров заготовят, бересту, выкладывают клетку, чтобы долго горело, а вниз кладут бересту. И ночью нам в праздник разрешают не спать. Ровно в 12 часов парень выходит с ружьем, стреляет, и тут мы клетку зажигаем. И пошло веселье, дурачимся. Очень хорошо встречали Троицу. Около каждого дома была березка, и вот платочки, у кого красивее, такие носовые платочки, бросали. Если высоко забросишь, да там он останется, то тогда это уже горе: как его снимать? На Троицу всегда ходили на речку Сосьву. У нас два километра до нее. Сколько помню, Троица без дождя у нас никогда не бывала. Гроза нас застанет на Сосьве, мы бежим под дождем обратно».

В лапту играли, мячики сами делали - «Вот накатаем-накатаем, да нам еще шерсть не дают, а надо много ее накатать». Однажды в деревне кому-то из ребят купили резиновый мяч. В него детям разрешали играть только по праздникам, говорили: «Разобьете же!»

Так и лето проходило: работали, но и время отдыху отдавали. Осень, а за ней - зима. «Тут уже все наше! – восклицает Динара Викторовна. - Мальчишки делали лотки. Это такая пластиночка одна ножка с одной стороны, две – с другой. Из полена они вырубали толстую доску, один край маленько заворачивали (получалось что-то похожее на санки - *прим. автор.*). Снизу обмазываем все навозом, потом поливаем водой, еще раз поливаем, пока не образуется лед. Мы мимо кладбища на гору пешком, и санки тащим

в гору. Но зато когда мы с этой горы, под горку, под горку, и до самой Мостовой. Вот так мы катались».

Другая детская забава – коньки. «Наледь – это когда оттепель и поверху вода идет. А потом эта вода замерзает. И лед делается чистейший. Коньки были только у одного мальчика. «Юрка, Юрок, ну дай покататься». Один конек просим. А два ни за что не даст. Даст один конек мне, другой еще кому-нибудь. Ох, мы! Да так у нас ловко получалось. На одной ноге едешь, а одна в стороне и ничего». И на лыжах катались. Их сами делали, фабричных ни у кого не было. Еще Динара Викторовна вспоминает, как ребята вбивали кол в дно реки, он зимой замерзал. На этот кол надевали колесо от телеги, к нему привязывали жердь и прицепляли санки. Один колесо вертит, бежит по кругу, а другие на санках катятся.

На колядки ходили. Жила в деревне Дуня Балина, у нее было много детей. «Они жили лучше других, и детей своих не так заставляли работать, как нас наши родители, - говорит Д.Белова. - Они часто ходили колядовать. Мы называли это «Христа славить». Колядка так начиналась: «Рождество мое Христо Божие, Воссияй вмиру, свет разума...». У колядующих мешочек был. В него складывали «шанешки». «Особенно вкусные были из ржаной муки с тонкой корочкой».

В 1941-1947 годы произошла передача Мостовского прииска Даньшанскому участку; рост золотодобычи наметился к 1943 году; а в соседнем поселке Черемухово появились первые переселенцы из Литвы и военнопленные; в Мостовой закрыли школу, открыв восьмилетку в Черемухово.

В послевоенные годы до 70-х годов происходило постепенное угасание жизни в деревне; прекратилась добыча золота; молодежь покидала деревню, не стало перспективы у Мостовой.

Мы обследовали территорию бывшей деревни Мостовая в июле 2006 года. В своем экспедиционном дневнике от 22 июля мы записали: «Переходим по мосту через небольшую мелкую речушку и попадаем в центр

бывшего селения, прямо на перекресток дорог. Как мы поняли, дома в Мостовой стояли по обе стороны дороги, которая, по нашему предположению, и являлась Воскресенской дорогой. Она выходила на Ивдельский тракт. От домов ничего не сохранилось, а там, где трава уже скошена, угадываются бывшие огороды: земля приподнята. Ближе к речке Мостовой нашли отвалы. Часть из них сильно заросла кипреем, гвоздикой, малиной, жимолостью, красной смородиной. Но есть и отвалы, которые только еще начинают зарастать мхом. Возможно, они более позднего образования. На выходе из деревни в южном направлении мы увидели три углубления правильной квадратной формы, заросшие травой, - вентиляционные стволы шахты. Перейдя через слегка заболоченную местность, увидели и вход в шахту, заполненный водой. В этом месте река Мостовая делает изгиб на юго-восток.

Воскресенская дорога заросла. В этом мы убедились, пройдя по ней примерно с 1,5 километра. Перед нами стеной встал молодой лес. Ему не более 20-30 лет. Пройти по бывшей дороге было невозможно. Пришлось вернуться в Мостовую. В 15.20. мы выходили из деревни на восток в сторону Черемухово. С левой стороны дороги, прямо на выезде из деревни увидели старое, заброшенное кладбище. По надписям на памятниках и форме могильных крестов мы определили, что это католическое кладбище. Но особенно поразила могила с тремя плитами и одним общим памятником, на котором были сделана надпись латинскими буквами: MezazizVoldemars 1901-1951, MezazizKunafs 1944-1950, PadelsLavise 1870-1951».

Наталья Паэгле, автор книги «За колючей проволокой Урала» [5], заинтересовалась фотографиями старого заброшенного кладбища, которые мы сделали во время экспедиции. Она продолжила исследование о репрессиях и выяснила, что на Мостовой нашли покой первые умершие спецпереселенцы - литовцы. В конце 40-х их было особенно много. Люди умирали от голода и холода. В 1946-м году в Черемухово было привезено 700 литовцев, через год их осталось – 70. На кладбище у Мостовой хоронили в

братской могиле, многие так и не знают, где точно покоятся их родные. Кладбище «было прямо у дороги. Ближе всех - огороженная могила с большим памятником из камня. Даты смерти 1951, 1950, 1955 годы. Три человека, видимо, все из одной семьи. Среди них - ребенок, даты жизни и смерти свидетельствуют о том: GUNARS 1944 - 1950. «Этот памятник поставлен не в 50-е годы, гораздо позже, - поясняет героиня книги Н.Паэгле Бирута Андрусовна Мотанцева, жительница посёлка Черёмухово. – И похоронены здесь не литовцы, может быть, латыши. Сейчас видно, что на могиле давно никто не был. А раньше она была ухоженной всегда. Возможно, все родные умерли или уехали из поселка» [5].

Литовский крест имеет свою форму и две буквы «А», разъединенные между собой еще маленьким распятием. «Амжинатильси Амен!» означает «Вечный покой», так принято у литовцев. Надпись на другой могиле «Брэнди мамути» означает «Милая мама», и дальше: «По тебе скучают дочери и сын, внуки и родня». Целью государственной машины того времени было разъединение семьи. Уничтожить само понятие семьи, разбросать всех по разным местам, без права переписки, без надежды на воссоединение, потому что семья, род – это святое для человека, в ней - его жизненная сила. В 30-40 годах на североуральской земле оказались литовцы, латыши, немцы, поляки, эстонцы. Прах многих из них долгое время покоился на Мостовском кладбище (их как спецпереселенцев, иноплеменников запрещали хоронить до 57-го года на общем поселковом кладбище в Черемухово), и только в 90-х, сначала тайно, потом открыто их останки были вывезены на родину.

Сегодня деревня Мостовая – это место покосов жителей шахтёрского посёлка Черемухова - тех, кто когда-то жил в деревне. Никаких следов бывшего поселения не осталось за исключением поросших травой нижних венцов домов и заваленных мусором бывших подполий.

Бывшие жители Мостовой до сих пор, встречаясь друг с другом, с сердечным трепетом и душевной теплотой вспоминают о своей малой

родине, и, как Динара Викторовна Белова, говорит: «Это наша деревня, это наше родное. Я очень люблю свою Мостовую. И очень жалею, что ее нет».

Литература

1. Ищенко В. Первое серебро и золото Северного Урала. - «Вагран» (Приложение к газете «Наше слово»), 2003, № 77.
2. Кортнева Э. Отметили юбилей. – «Вагран» (Приложение к газете «Наше слово»), 2001, 27 августа, с.3.
3. Котов И. Золото деревни Мостовой. - Вагран» (Приложение к газете «Наше слово»), 2001, 27 августа, с.3.
4. Мылов Е. Мостовая. - «Вагран» (Приложение к газете «Наше слово»), 1997, 1999, 2000 г.г.
5. Паэгле Н.М. За колючей проволокой Урала. Издательство «Чароид», г. Екатеринбург, 2008.
6. Шишигина М. Золото деревни Мостовой. – «За Бокситы», 2001, 27 июля, с.3.

Елисеева Е.С.,

г. Екатеринбург

РОЛЕВЫЕ ОЖИДАНИЯ МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В данной статье мы рассмотрим, каковы представления молодых преподавателей о ролевых ожиданиях взаимодействующих с ними людей в системе их профессиональной деятельности в сопоставлении с реальностью.

Начиная свою профессиональную деятельность, молодой преподаватель вуза сталкивается со сложностью, связанной с необходимостью осваивать сразу несколько групп ролей. Это, прежде всего, роль преподавателя, наставника для студентов, это роль коллеги кафедры. А так же молодой преподаватель начинает более тесно взаимодействовать с научным сообществом, где так же нужно уметь грамотно презентовать себя.